

Так совпало, что родители только что говорили о причудах своих детей, поэтому они бросились на крик. Увидев активацию нового, они поздравили обоих прямо перед тем, как мать Изуку, Мидория Инко, посадила его в машину и отвезла в офис углубленного расследования причуд. И ей пришлось всего два раза остановиться, чтобы вытереть счастливые слезы.

В офисе Изуку подвергли большому количеству тестов; сначала, чтобы определить, какой тип причуды, затем, как только это было исследованно, насколько она сильна, на что это может повлиять и как долго она может работать. После довольно утомительных трех часов Изуку сидел на коленях у матери, сжимая ее руку и жалея, что не смог взять с собой свою любимую фигурку Всемогущего, пока доктор медленно просматривал страницы ранее собранной информации. Он щелкнул ручкой, обвел что-то кружком и поправил очки, прежде чем посмотреть на пару.

"Итак, Мидория Изуку", - он говорил тщательно и кратко, как будто каждое слово записывалось в целях качества. "После нескольких тестов мы определили, что ваша Причуда относится к типу излучения, она может воздействовать только на камни шириной или длиной не более трех дюймов в телекинетическом поле, которое исходит не более чем в двух дюймах от кожи на вашем теле. Она была названа "Каменное Поле". - Он остановился, закрыл страницы и положил планшет на свой стол. "Вот и все".

Инко моргнула, держа сына на руках. Услышав, что это описано как таковое, это прозвучало как более концентрированная, сфокусированная версия ее собственной Причуды, но которая работала только с галькой и гравием. Часть ее испытала облегчение. Что касается Причуд, то это не впечатляло, и Изуку, как и почти все дети его возраста, хотел использовать свою Причуду, чтобы стать знаменитыми, могущественными Профессиональными Героями. Что было, по характеру работы и мира, в котором они жили, чрезвычайно опасно. С другой стороны, она чувствовала себя виноватой из-за того, что чувствовала себя счастливой из-за того, что такая странная причуда сделала бы почти невозможным для ее маленького мальчика такую опасную работу.

И более глубокая, меньшая часть была очень рада, что она не будет той, кто разобьет пушистое маленькое сердечко Изуку.

"Эм, доктор?" Изуку спросил своим милым, детским голосом: "Вы думаете...вы думаете, что с моей Причудой...Могу ли я быть с ней Героем?"

Доктор шмыгнул носом, снова просмотрел страницы, затем моргнул, глядя на мальчика. "Что касается карьеры героя, то такая причуда, как у тебя...была бы почти совершенно бесполезна." Он заявил это с нулевым тактом. Инко сжала своего мальчика, когда он обиженно ахнул. "Не все так плохо. У многих людей, таких как твоя мать, есть Причуды, лишённые силы, но с некоторыми небольшими нишевыми применениями. И, конечно, это лучше, чем быть без причудным".

Изуку моргнул своими большими водянистыми зелеными глазами и издал крошечное "...О". А затем он обнял свою мать за плечи.

"Спасибо, что уделили мне время, доктор", - коротко сказала Инко, чувство вины и облегчения боролись в ее груди, когда она встала и вынесла сына из кабинета. Он оставался спокойным даже тогда, когда они вышли из здания, и она усадила его на сиденье машины. Только полчаса спустя он заговорил.

"О-он, он был не прав, в-верно, мам?" Дрожащим голосом спросил он, и она увидела, как он играет с пряжкой своего автомобильного сиденья в зеркале заднего вида, глядя на нее сквозь густые ресницы, глаза, наполненные слезами, сияют чистой надеждой, что его мама сможет все исправить своими словами. "Я-я могу в-все еще использовать свою К-Причуду, чтобы быть Героем... в-верно?"

Инко посмотрела на дорогу и с трудом сглотнула, облизывая губы. "Изуку..." Она не могла подобрать слов. "Как доктор сказал... не все так плохо... верно? Есть и другие работы... более безопасные. Может быть... может быть, ты предназначен для чего-то большего, чем героическая работа, милый." Она случайно взглянула в зеркало и почувствовала, как у нее сжалось сердце. Изуку смотрел на нее в ужасном молчании, слезы текли из его глаз. Он понял, что она пыталась сделать, и увидел ее насквозь. И это разбило его маленькое сердечко.

Его голос, когда он заговорил, был бесконечно тихим. "...Хорошо, мам".

Она сильно заморгала и попыталась сосредоточиться на вождении, у нее перехватило горло. ВЯ-все будет хорошо, , Изуку? Как... как насчет того, чтобы, когда мы вернемся домой, я приготовил нам свинину тонкацу... твою любимую. Как это звучит, милый?"

Он не поднял глаз со своих колен. "...Хорошо".

Только то, что она была за рулем, заставляло Инко сдерживаться, чтобы не закрыть глаза и не позволить себе утонуть в своей вине и горе.

...

В конце концов, добродушие Изуку победило его горе, и он вернулся к своему обычному, жизнерадостному состоянию. Кто-то мог бы сказать, что это был голод, порожденный завистью, что у него появилось хобби, талант, посвященный наблюдению за битвами Героев, изучению и разбору их Причуд в своем уме и, как только он был переполнен, множеству записных книжек. Другие сказали бы, что это было его естественное психическое состояние - видеть вещи, автоматически разбирать их на части и выяснять, как они работают, как их можно использовать по-другому и как они могут сочетаться с другими.

И когда нынешний набор Героев заполнил его страницы, он обратил внимание на своих одноклассников и свою лучшую подругу Кацуки. Их причуды, то, как они могли развиваться с течением времени, и в целом то, насколько классной он ее находил, привели к тому, что потенциал Кацуки охватил много страниц. Он с некоторой завистью заметил, что с возрастом ее взрывы становились более мощными, а с тренировками - более целенаправленными. И у нее было только больше возможностей для роста.

Для него, однако, это было безнадежно. Он проводил часы в день, держа камни в своем поле, заставляя их вращаться вокруг его тела в увеличивающемся количестве и с увеличивающейся скоростью. В конце концов, ему удалось быстрее перемещать их по своему телу.

Вот и все.

Он пытался придумать способ использовать свою Причуду в работе Героя, возможно, покрыть себя камешками, вращать их на высокой скорости, а затем бросать? Проблема с этим, однако, стала очевидной, когда он впервые попробовал такую штуку на грубой мишени, нарисованной на дереве. В упор камни действительно могли нанести некоторый урон. Однако за пределами его поля камни быстро теряли скорость и превращались просто в брошенную горсть гравия. И как бы он ни старался, его поле просто не расширялось, даже на миллиметр.

Это был удар по его разбитой надежде на героизм.

Следующий, самый сокрушительный удар был нанесен, когда ему было восемь лет. Во время перемены он, Кацуки и некоторые из их друзей исследовали близлежащую рощу деревьев. Остальные вырвались вперед, переправившись через поваленное дерево через небольшой ручей, предоставив этим двоим идти своим ходом.

<http://tl.rulate.ru/book/69061/1868774>